

АРМЯНСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

ГИБЕЛЬ ХУДОЖНИКА

В одном из селений древней Армении жил странный художник по имени Мануг. Иногда красивого человека рисовал он уродом, а случалось, слабого изображал богатырём. Многие его не любили. И мстили, как могли: то детей его обидят, то овцу прирежут. А овца для бедняка, что для богатого — отара...

Мануг работал ожесточённо и много. Но никто не хотел покупать его картины. Чем больше он работал, тем больше беднел. Любой гончар или кузнец жил лучше художника. Мануг стал думать, что людям нужнее горшки. С недоумением спрашивала жена художника:

— За что Господь наказал меня? У других мужья, как мужья: сеют, пашут, жнут. А этот только и знает, что малевать...

Раздумья и одиночество гнали художника в горы. Однажды на скалах Мануг встретил гончара.

— Добрый свет, брат Ованес. И ты боишься?

— Ты не зверь какой, чего тебя бояться?

— Все меня избегают. Решил, что и ты...

— Люди не любят тех, кто не работает.

— Ованес, Ованес, да возвысится твой дом! Я тружусь день и ночь. Тружусь, как вол. А ты мне говоришь такие слова...

— Это не работа. Прямых ты кривишь, кривых выпрямляешь. Рисовал бы, как все.

— Как все — это проще. Труднее быть самим собой. Но не будем ссориться, брат Ованес. Ведь и ты лепишь горшки не такие, как у всех. Потому что ты художник.

— Но мои горшки берут, а твои картины — нет. Значит, что то не так .

— Ованес, ведь я тебя не учу, как лучше лепить горшки. Хотя мог бы. А вот художников почему-то поучают все.

— Учить меня? Гончара — гончарному делу? — возмутился тот.

— А зачем ты поднялся в горы? — улыбнулся Мануг. — Глину искал? Её у тебя во дворе целая гора. Твои горшки — всегда нарасхват. Нет, ты пришёл глянуть на травы. В каждом листке ищешь незнакомое и говоришь себе: «Уже было». Я видел твои работы.

— Скажи, — почему-то прошептал гончар.

— Потому что не туда идёшь. Горы отдали тебе всё — и большего не требуй. Иди к людям. К внуку своему. Присмотрись. Малыш, борется с пелёнками, опутавшими его: стремление к свободе развивается с детства. У ребёнка большая голова и тонкие ноги.

Создашь ты его, порадуешься и снова загрустишь. Тогда на празднестве, где люди поют, смеются, танцуют, тебя удивит, сколько в селении стройных девушек. А среди

них одна, со стыдливо-гордым взглядом, гибкой шеей, чёрными косами до пят — та, которую ты всю жизнь искал. И родится у тебя тонкостанный кувшин. Не кувшин — молодость. Звонкий, сам поёт. Создашь его, и не будет счастливее тебя человека.

Все устают, Ованес, от всего устают. И ты забудешь, как был счастлив, найдя новый узор, оттенок, изгиб... Начнешь по-новому искать ещё не созданный кувшин, искать смысл своей жизни. Остановишься, когда найдешь, перед седобородым дедом, с головой, ушедшей в плечи, мозолистыми руками, натруженными ногами, будто вросшими в землю. Ногами, прошедшими не одну сотню вёрст. Спина старика согнулась под тяжестью лет. В глазах глубина небес и величие гор. Сила старости — в мудрости. А там, где мудрость, крика не может быть: не спешит старик раздать накопленное случайным людям. Увидишь его, и будто молния тебя озарит — как соединить глубину небес с величием гор через согнутую спину, натруженные узловатые руки-ноги, сжатую мудрость губ, чтобы через него — одного — передать трудолюбивый народ... Вот когда создашь ты большой кувшин. Не кувшин — итог своей жизни.

Ованесу тут же захотелось одарить художника. Но он не знал, как и чем. Поспешно сказал:

— В селении думают о тебе, как о сумасшедшем. Но ты — ясновидец! Разгадываешь мысли и людей видишь насквозь. Сразу нашёл то, что я годами искал. Одного не соображу: почему не рисуешь иконы?

— Ованес! Бога надо искать, найти, понять! И не выдумать — увидеть хочу, чтобы спросить, почему в мире так много зла.

— Тогда рисовал бы богачей, как они хотят. Зачем коверкаешь их? Так и моришь голодом и жену Майрам, и своих детей, Мануг.

— Ованес джан, зря о детях сказал. А жена — что жена? Им всегда всего мало. Дар даётся немногим. Немногим, но для всех. Смею ли я продать, что не только моё? Даже ради детей. Вырастут — поймут.

— Не сердись, Мануг джан, не для обиды спросил. Лучше посмотри на наши горы. Видишь, сколько камней? Мечта моей жизни — разбогатеть, закупить во всех селениях арбы и на них привезти землю из долин — прикрыть выступы. Бог свидетель, эти камни — кости наших предков.

Вздрогнул художник. Впился глазами в доброе лицо Ованеса, словно видел впервые, рывком обнял его, резко повернулся и побежал в свой старый дом. А скоро жена художника увидела картину: с чудовищем сражался богатырь. И был он лицом похож на гончара.

Майрам поспешила насмешить соседей. Соседи — своих соседей. Вскоре чуть ли не всё селение хохотало до слёз. Почти каждый встречный теперь кричал гончару:

— Ва! Храбрый Ованес! Долгих лет, спаситель! Спешу взять меч-молнию, враг на нас идёт!..

Маленький, тщедушный, хромой Ованес, опустив голову, сгорал от стыда. Нигде не мог он укрыться от насмешников. Проклинал:

— Будь чёрным день встречи в горах, Мануг! Чтобы высох твой род! Чтобы погасло твоё солнце! За что, бессердечный, посмеялся над стариком? За что сделал посмешищем.

Смех людей не смутил Мануга. Он раздумывал: «Они смеются не надо мной. Просто отвыкли от правды. Сами себя не видят, не знают, не понимают. А долг художника — помочь им подняться. Пусть я живу хуже башмачника: разве не знаю, как стать богатым? Но для этого надо кривить душой. Обман же обману рознь. От обмана купца — сотни обедневших. От лжи художника — целые поколения. Пусть простят мне мои дети. Вырастут — поймут...»

Размышления прервал стук. Неслыханно! В низкую дверь вошёл князь в сопровождении слуг.

— Добрый день, Мануг! Добрый день, варбед! Покажи, покажи, что творишь с людьми. Говорят, ты мастер смеяться над ними?

— Да будет, князь, к добру твой приход. Я пишу сородичей, какими их вижу. А им кажется, что они лучше или хуже. Из-за этого и обиды. Даже добрейший Ованес проклиняет меня...

Князь начал рассматривать картины. С одного полотна на него дерзко смотрел крестьянин. «В глазах моих крестьян — покорность. Они согнуты нуждой. И чем беднее, тем покорней. Зачем дерзкие?»

Нахмурился князь, но сдержал себя. Остановился перед другой картиной: на лань охотились турок, византиец и перс. От раненой лани тянулся кровавый след, похожий на очертания Армении. Князь поспешно отвернулся. И здесь увидел портрет юноши, известного своим уродством. Юноша жил подаян timer, но никогда не радовался, не благодарил и не крестился, если даже подавали щедро. На

портрете одухотворённо смотрел на луч солнца, который надвое рассёк мрачную тучу.

Осмотрев ещё несколько картин, князь вновь подошёл к портрету юноши. Возвышенный образ захватил его.

— Если и меня напишешь не хуже, награда будет достойной.

Пронзительно взглянул художник в красивое лицо князя. И вздрогнул: чуть ли не все пороки прочёл на красивом лице властелина. Твёрдо ответил:

— Нет! Таким я не могу тебя написать!

— Что, и мне для этого надо стать горбатым? — усмехнулся князь.

— Горб юноши — муки и надежда народа. И ты, князь, горбат. Но твой горб — пороки и злодеяния.

Расхохотался князь.

— Нет! Таким я не могу тебя написать! — повторил художник, переводя взгляд на портрет.

— Мануг, ты беден, потому что упрям. А ведь твои дети не хуже других, — и к ногам художника упал тугой кошелёк.

— Кто несёт правду, не бывает богат. Возьми кошелёк, князь, я неважный льстец, — ещё не досказал он, как ворвалась жена — Майрам.

Она схватила кошелёк, прижала к иссохшим грудям и с ненавистью посмотрела на мужа:

— Нет, ты будешь рисовать! В селении нет человека, кому мы не должны. Ради детей прошу, не ради себя. Уступи хоть раз! А не уступишь — не надо! Я сейчас же раздам долги, а ты с князем рассчитывайся сам... — и раздражённо хлопнула дверью.

С омерзением писал князя Мануг. Падала палитра. Ломались кисти. Терпеливо сидел перед ним князь. Почтительными тенями в стороне стояли слуги.

Когда все кисти были переломаны, князь послал слугу за новыми. С другими кистями, не имевшими прошлого, дело пошло не так скованно. Покорными псами лизали они все краски подряд.

Через несколько новолуний князь забрал портрет. После этого посыпались заказы именитых...

Мельничными жерновами закрутились дни, недели, годы, увеличивая доходы и седины художника. И странно: чем меньше работал Мануг, тем больше богател. Заморские мастера выстроили ему дворец. В его конюшне стояли скакуны лучших пород. Жена Мануга тонула в шелках. Дочери блистали драгоценностями. Сыновья небрежно швыряли золотыми. А самого Мануга знатные наперебой приглашали в гости. Молча ездил он на всякие торжества. Молча ел и пил. Не успевал встать из-за одного стола, как его усаживали за другой. И вновь вино, тосты, весёлая музыка, звучащая для художника погребальным плачем. Никто не догадывался, что Мануг перестал видеть людей такими, какие они есть. Теперь их видел такими, какими они хотели выглядеть. Легкие кисти тянула вниз тяжесть кошельков. Лестью затуманились когда-то пронзительные глаза. Сальными стали руки от жирных шашлыков. С ненавистью смотрел Мануг на жену, толкнувшую его на

этот путь. Невзлюбил и детей, которых богатство растило ленивыми и чванливыми. Они сорили деньгами, пахнувшими унижением отца.

А вскоре на людей обрушился мор. Болезнь свирепой тучей носилась по селениям: кто был силён — ослаб, кто был слаб — погиб. Люди вспомнили Бога и поспешили в храмы. Начали резать скот во имя всемогущего. А тщедушный Ованес не заболел. Не слегли ещё несколько чабанов. Задумался гончар: почему бы? Догадавшись, собрал всех, кто ещё мог ходить. Привёл на горные луга, где искал для своих кувшинов новые формы. Сказал измученным людям старик:

— Если небо бессильно, сами спасём себя. Чабаны здесь пасли овец — не слегли. Я рвал эти травы — не заболел. Целебны они! Давайте соберём травы. Будем поить соком слабых и больных. Поднявшиеся на ноги пусть спасают других.

Долго боролись за жизнь. Страшный недуг наконец отступил. Исцелился народ и прославил Ованеса. Песню о нём сложил ашуг. Тут вспомнили о картине Мануга: сражается с чудовищем богатырь, и лицом он похож на хромого гончара. Священники признали в нём святого. Картину повесили в церкви, на видном месте. Она стала иконой. И толпа, до этого хохотавшая над ней, теперь со слезами молилась на неё.

С тех пор, как семью Мануга спасли крестьяне, в просторном дворце стало тесно ему. Однажды ночью он не выдержал. Вышел из покоев и направился в горы. Но горы его встретили враждебно: неистово хлестал дождь, яростно упирался ветер, сбивая с ног. Мануг скользил к пропасти. Падал, и пачкались дорогие одежды. Поднимался он —

ветер гнул, сгибал, швырял на камни. Мануг с горечью думал, вытирая кровь: «Я купил земные блага, отдав взамен свой волшебный дар. Отдал и обессилел. В бедности силу я черпал в горах, а теперь и горы обессиливают меня...»

Не преодолев подъёма в суровых горах, Мануг к рассвету вернулся назад. Крестьяне уже запрягали быков. Озябшие дети помогали им.

«А мои ещё спят — устали от танцев и пиров. И долго ещё будут спать... Да и я усыплен. Разве раньше мог бы пройти мимо крика нищеты!» — И вдруг за спиной услышал голос гончара:

— Никого теперь не видит Мануг. У него сейчас позолоченные глаза!..

Сжался Мануг от оскорбления — знал: заслуженного — и побежал в старый дом. Выбил заколоченную дверь. Схватил поломанные кисти, когда-то верой и правдой служившие ему. Прижал к груди. И сказал он кистям, как погибшим воинам:

— С тех пор, как я вам изменил, души обездоленных стали недоступны мне. Я куплен богатством, которое уродует моих детей, похитило мой дар. Теперь я не хуже других обманываю народ. Но обманывать можно и без позолоченных глаз. Так пусть же ослепнет уводящий.

Упал Мануг на палитру с засохшими красками. Палитра покрылась кровью — последней краской художника.